ХРИСТИАНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЕПССКОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ВЕПССКОЕ vs РУССКОЕ (ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Н.Г. Зайцева

Статья подготовлена в рамках плановой темы «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте» (AAAA-A18-118012490344-5).

Аннотация. Рассмотрены важные с точки зрения духовной культуры термины со значением «Бог» и «молиться» в вепсском языке. Язык малочисленного вепсского народа относится к прибалтийско-финской ветви уральской языковой семьи. Цель статьи – представление культурологического фона, связанного с переводами Библии на язык вепсов, а также анализ вепскоязычных именованных названных понятий в этимологическом и лингвогеографическом аспектах. Понятие «Бог» обозначается у вепсов лексемами *Jumal* и *Sünd*. В статье предложен анализ выяснения разницы в семантике данных лексем на материале вепсского языка и приведены аргументы филологического, мифологического, семантического характера в трактовке данных терминов. Понятие «молиться» в диалектах вепсского языка передается лексемами *loita*, *mol'das*, *risttas*, последние из которых (*mol'das*, *risttas*) являются русскими заимствованиями, семантически освоенными и адаптированными языком вепсов, указывающими на взаимодействие языков в данной области духовной культуры. На лингвистических картах проиллюстрировано диалектное распространение анализируемых терминов. В вепсских именованных двух важнейших с точки зрения христианства понятий, проанализированных в данной статье, с одной стороны, наблюдается собственное исконное наследие, которое ранее было мифологическим, но которое со временем приобрело сугубо христианский характер, сохранившись в языке вепсов. С другой стороны, в данной лексике проявились контакты русской и вепсской православных культур, нашедшие отражение во всех диалектах вепсского языка, который под напором контактирующего языка, тем не менее, не дал угаснуть собственной исконной лексике анализируемого тематического класса.

Ключевые слова: вепсский язык; диалекты; духовная культура; мифология; этимология; лингвистическая география.

Введение

Вепсы, язык которых входит в прибалтийско-финскую ветвь уральской языковой семьи, проживают в России на стыке трех регионов: Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской областей. Земли расселения вепсов никогда не образовывали единого админи-

стративного целого. Они были в свое время частью Олонецкой, частью Новгородской и Санкт-Петербургской губерний, причем границы в различные отрезки времени менялись. На более раннем историческом этапе вепсская территория входила в разные погосты Обонежской пятины. В X–XIII вв. она подчинялась древней Ладогe, образуя так называемый Обонежский ряд [1. С. 3]. Идея заселения единой территории одним этносом практически никогда не учитывалась при административном членении, что не могло не сказаться на формировании диалектных ареалов вепсского языка [2. С. 85–103].

По переписи населения 2010 г. вепсов в России насчитывается 5 936 человек. В 2000 г. постановлением Правительства Российской Федерации вепсы включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, которые находятся под особой защитой государства [3. С. 13–14]. Язык вепсов занесен в «Красную книгу языков народов России» [4. С. 21–22]. Данные меры были призваны стимулировать работу по ревитализации вепсского этноса, сохранению его языка и культуры, возвращению активного двуязычия. Этому должно способствовать и обучение вепсскому языку в школах, что осуществляется в ряде учебных заведений Республики Карелия и Вологодской области, и отчасти в качестве факультатива в Ленинградской области. В настоящее время в Карелии подготовлены учебники для школ и вузов, разговорники, двуязычные и орфографические словари, ежемесячно выходят в свет на вепсском языке газета «Kodima» («Родная земля»), ежегодный литературный альманах «Verez tullei» («Свежий ветер») и журнал для детей «Kipinä» («Искорка»), ведутся еженедельные теле- и радиопередачи, издается художественная литература [5. С. 119–135]. В этом ряду исключительно важное место занимают переводы Библии, благодаря которым младописьменный язык вепсов получил существенную поддержку в развитии современной терминологии и литературных традиций, становлении и укреплении норм орфографии, обогащении письменного стиля языка.

Методология

Одним из главных методов нашего исследования является лингвогеографический. В области вепсского языкознания идет активное исследование формирования его диалектных ареалов, для чего разработаны вопросники сбора языкового материала, отражающие все стороны языка: фонетику, грамматику синтаксис, лексику. Поскольку территория проживания малочисленного вепсского народа небольшая, то количество пунктов оказалось не столь значительно – всего 30. Однако архивные и письменные источники, а также материалы Фонограммархива Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, где хранится бо-

более 400 ч магнитофонных записей на вепсском языке из многих ареалов проживания, позволили расширить круг вепсских пунктов до 74. При анализе полевого материала, который размещался на карты, впоследствии объединенные в «Лингвистический атлас вепсского языка» (выход в свет работы ожидается в середине 2019 г.), использовались методы различного характера. Прежде всего это метод синхронного анализа диалектного материала, который позволил нанести его на лингвистические карты. При написании комментариев к лингвистическим картам бесценным был сравнительно-сопоставительный метод, который, с одной стороны, позволил выявить все фонетические, грамматические, семантические варианты, а также дал возможность сравнить их между собой, составить определенные архетипы явлений и т.д. Кроме того этот метод позволил сравнивать или сопоставить данные родственных и неродственных языков при интерпретации анализируемого материала. Поскольку перед составителями атласа была поставлена задача написать раздел по формированию диалектных ареалов вепсского языка, то сравнительно-исторический метод исследования был также активно использован. Он позволил найти общее прибалтийско-финское наследие в языке вепсов, дал возможность для проведения этимологического анализа, нацелил на выявление вепсских инноваций, когда родственные языки не позволяли найти соответствующих этимонов в области лексики. Кроме того, использование методов лингво- и этнофольклористики для многих комментариев было просто насущным, поскольку дало возможность при языковом анализе заглянуть внутрь формирования духовной культуры вепсского народа.

Представленная статья позволила ее автору, которая и является главным редактором и составителем половины карт «Лингвистического атласа вепсского языка», используя все названные методы, подвергнуть более глубокому анализу, чем это позволял формат атласа, интересующую ее небольшую тематическую группу слов, связанную с христианской терминологией. Автор данной статьи сама была переводчиком Нового Завета на язык вепсов, одним из специалистов, возродивших в 1989 г. вепсскую письменность, создавших более 15 наименований учебников вепсского языка и словарей. Все это позволило применить и метод активных собственных наблюдений специалиста, для которого исследуемый язык является родным и на который ему приходилось в период создания литературных традиций младописьменного языка воздействовать фонетически, грамматически, семантически.

Исследование

Процесс христианизации на севере относят к XI–XII вв., «когда знать и ее окружение, первыми принимавшие христианство, отказались

от кремации умерших» [3. С. 58]. Это стал важнейшим фактором в формировании национальных культур народов Европейского Севера, в том числе и прибалтийско-финских, поскольку, как известно, «христианской миссии того времени пришлось иметь немало дела и с финскими племенами, обрамлявшими русскую территорию со всех сторон севера» [6. С. 173]. На северо-восточных окраинах страны появились святыне, у которых народная молва отмечает нерусское происхождение: зырянин (коми) Стефан Пермский, мордвин патриарх Никон и чудянин (вепс) Александр Свирский [Там же. С. 174], что свидетельствует о глубине происходивших процессов христианизации. Однако в те времена не была поставлена задача перевода религиозного учения на языки народов, принявших христианство. Напротив, как утверждают исследователи становления русской церкви, заботились «об обрусении прежде, чем их крещении» [3. С. 58]. На землях вепсов были построены церкви и монастыри, однако никогда не было попыток вести богослужение на родном языке, что не содействовало развитию терминологии данной тематики.

Отметим, что имеется некоторый исторический опыт перевода текстов священного писания на язык вепсов. Это переводы отдельных молитв и частей из церковной литургии на вепсский язык, которые были предприняты в XIX в. Известный финский фольклорист и лингвист Э. Леннрот, будучи в поездке у вепсов летом 1842 г., перевел с помощью знатоков языка части Нагорной проповеди Евангелия от Матфея [7. С. 26–28]. Любопытно обратить внимание на тот момент, что в данном переводе, сделанном более полутора веков назад, использовано много русских слов на месте собственных вепсских именований понятий, которые активно функционируют в языке и сейчас, напр., *Svätijan biblijan opendus* ‘учения святой Библии’, где использовано *svätoi* вместо *pühä* ‘святой’, *Tat* (< рус. *татя* ‘отец’) вместо *Jumal* ‘Бог’. Очевидно, вставал вопрос терминологии, когда трудно было решить, соответствует ли полностью вепсское слово определенному термину или лишь частично покрывает его значение.

Много русских слов церковной тематики мы обнаружили и в первом письменном памятнике на вепсском языке 1848 г., сделанном *кириллицей* (вепсская письменность в первый период ее создания в 1930–1937 гг., а также в настоящее время развивается на основе латиницы), который носит название «Лексикон корельского языка». После исследования нами данного памятника выяснилось, что он сделан на средневепсском диалекте и не имеет отношения к карельскому языку. В нем содержатся по исследуемой в данной статье тематике как единичные русские слова, которым не было соответствий в вепсском и которые и сейчас заимствованы из русского (например, *ангел*, *архангел*, *апостол*), а также даны русские слова вместо вепсских в выражениях,

где можно было использовать их вепсские соответствия или развить из них необходимые наименования: *евангелий* (< евангелие, ср. вепс. *hivä vest* ‘благая весть’, ‘пойдем к вечерне’ – *асту вечернесть* (< *вечерня*; ср. вепс. *ehtlouna* ‘ужин, вечерний прием пищи’), ‘пойдем к заутрене’ – *асту заутренгель* (< *заутреня*; ср. вепс. *homenclouna*, *homensturgin* ‘завтрак, утренний прием пищи’) [8] и т.д.

Планомерная работа по переводу Библии на материале вепсского языка была начата после возрождения вепсской письменности в конце 1980-х гг. при сотрудничестве с финно-угорским филиалом Института перевода Библии (Хельсинки). Эта деятельность выявила значительное количество проблем, которые также были связаны, прежде всего, с лексикой и терминологией. Согласимся с теологическим редактором вепсского перевода Нового Завета И. Пекканен, которая пишет, что поскольку события Нового Завета происходили в Палестине и благая весть распространялась в Малой Азии, Греции и Риме и поскольку Иисус в проповедях использовал сравнения из жизни окружающего населения, то все это наполнило евангелия лексикой из различных областей жизни, которая не свойственна вепсам [9. С. 165]. В отдельных случаях не хватало и совершенно обычных лексем, не являющихся терминами, например *сорняк*, *плевел*, *чудо*, *шторм*, *буря* (на море), именований различных камней, которые не встречаются на землях вепсов и которые требовали создания новой лексики, понятной вепсскому населению.

Большую сложность вызвал, например, перевод терминов *праведный* и *праведник* на язык вепсов. Вначале в тексте это понятие было обозначено целым придаточным предложением: ‘праведник’ – *mez’ kudamb eläb todehižel i oiktal elol* ‘человек, который живет правдивой и правильной жизнью’; затем появилось словосочетание *todesine i oiged mez’* ‘правдивый и правильный человек’; и только через два пробных издания Евангелия от Марка и Евангелия от Иоанна при обсуждении и тестировании текстов были произнесены сложные слова *tozioiged* ‘праведный’ (*tozi* + *oiged* ‘правдивый + правильный’ или букв. *правдо / правильный* и *tozioiktuz’* ‘праведность’) и однозначно поняты всей группой тестируемых.

Большие проблемы возникли при переводе лексемы *господин* на вепсский язык. В ряде прибалтийско-финских языков это понятие обозначается скандинавским заимствованием *herra* [10. Т. 1. С. 158], совершенно не свойственным языку вепсов. И здесь помощь оказал родственный эстонский язык, в котором именно в переводах Библии употребляется лексема *Isand*, *Issand* ‘господин, хозяин; Господь’ [Там же. С. 229]. В диалектах вепсского языка лексема *ižand* ‘хозяин’ [11. С. 153], т.е. уважаемый человек, хозяин дома, хозяин территории и т.д., исключительно востребована, и в ней семантически возможно было

развить искомое значение. Наш выбор увенчался успехом; вепскоязычное сообщество приняло его, а текст перевода Библии помог ему успешно закрепиться и в данном значении.

Тем не менее названия многих ключевых понятий уже существовали в вепском языке, однако их следовало идентифицировать, определить их семантическое наполнение, выяснить у разных диалектных групп вепского населения, насколько они понимают и принимают эти термины и т.д.

В начале 2000-х гг. у нас представилась возможность обратиться к терминам данного семантического класса в лингвогеографическом аспекте. С 2012 г. при поддержке РГНФ, а затем РФФИ под руководством автора данной статьи, как уже было отмечено выше, велась работа по подготовке «Лингвистического атласа вепского языка». Был создан вопросник по сбору диалектологического материала, включающий в себя 395 вопросов по фонетике, морфологии, лексике, разработан план подачи материала, написания комментариев и т.д. На обсужденную карту-основу были нанесены пункты (рис. 1), представляющие все три диалекта вепского языка. Отметим, что наименования диалектов указывают на реальное расположение диалектных ареалов друг относительно друга: северный (или прионежский) – на юго-западном побережье Онежского озера, средний (обладает двумя группами говоров) – в бассейне Свири (*западные* говоры), на Онежско-Белозерском водоразделе (*восточные* или белозерские говоры) и, наконец, южный – на р. Лиди в верховьях Волжского бассейна. В 2012–2013 гг. языковой материал был собран из 30 вепских пунктов в полевых экспедициях *вживую*, в личных беседах с населением; из ряда пунктов материал возможно было обнаружить в архивных и опубликованных источниках. В настоящее время атлас подготовлен, издание поддержано РФФИ, и его выход в свет ожидается в 2019 г.

Для данной статьи выбран аспект, который был включен в вопросник «Лингвистического Атласа вепского языка», связанный с духовной жизнью вепсов – именованя понятий «Бог» и «молиться» на диалектах вепского языка.

Бог, Господь – Jumal, Sünd

Как известно, в Новом Завете немало именованй Господа, которые с теологической точки зрения исключительно важны и при переводе представляют реальные сложности. В вепском языке существуют две лексемы для обозначения Бога: *Jumal* (в диалектах – *Jumou*, *Jutā*, *G'utou*, *D'umal*) и *Sünd*. Обе они известны практически всем говорам вепского языка и являются достаточно древними, поэтому естественно, что в дохристианскую эпоху они входили в круг мифологической терминологии.

ности (северновепское – *D'umal*, средневепское – *G'umou*, *Jumal*, *Jumou*, южновепское – *Jumaa*), объясняемые фонетическими закономерностями репрезентации исторического *j* в диалектах вепского языка: средневепские западные говоры и южновепский диалект сохранили *j*, в средневепских восточных говорах *j > g'*, в северновепских *j > d'*.

Рис. 2. Именования понятия 'Бог' в диалектах вепского языка

Подобный процесс произошел и в двух южных наречиях карельского языка – ливвиковском и людиковском, относительно рано попавшим в зону русского языкового воздействия. В литературе данное

фонетическое явление принято рассматривать как результат их *общего* прошлого с языком вепсов. Немаловажно и то, что названное явление характерно и для русских говоров Обонежья (ср. *гящик*, *гюбка*, *гидти*), а также присутствует в речи говорящих по-русски вепсов, при этом возможно варьирование – в вепсском говорят *d'*, а в русском *z'*: *d'ärv* 'озеро', но *гящик* 'ящик'. Можно полагать, что эти факты в комплексе свидетельствуют о явлении звукоперехода, вызванного контактированием двух разноязычных фонетических систем, причем в направлении движения данного контактирования разобраться довольно сложно, поскольку оно могло возникнуть самостоятельно и там, и там, а в дальнейшем на его функционирование могли наложиться языковые контакты [12. С. 38–45].

В отдельных случаях появились диминутивные формы типа *Jumaleine*, которые в языке вепсов чрезвычайно популярны, указывая на особую уважительность в отношении называемого субъекта.

В вепсском языке издревле существовала и лексема *Sünd*. Авторы одного из первых этимологических словарей финского языка связывали ее с глаголом *syntyä* 'родиться' [13. Т. 4. С. 1147]. Составители следующего этимологического словаря финского языка считают сам глагол *syntyä* возможным древним праиранским заимствованием (**dzen(h)*- 'родить' [10. Т. 3. С. 231]). При этом его авторы, разместив вепсский глагол *sünduda* в гнезде *syntyä* 'родиться', исключили из него вепскую лексему *Sünd*, хотя приведенная в этой же этимологической статье водская лексема *süntü* 'рождение, происхождение', практически полностью соответствующая вепсской [Там же], оставлена. Чем вызвано отклонение вепсской лексемы – трудно сказать, хотя, наш взгляд, сходство в семантике здесь налицо, и звуковой облик лексемы, как и ее грамматические признаки (основа на *-u*: *Sündun* – GenSing), этому не препятствуют.

Лексема *Sünd* не настолько распространена в вепсских диалектах, нежели лексема *Jumal*, тем не менее, как свидетельствует и лингвистическая карта (см. рис. 2), она известна всем группам говоров, что говорит о ее правепсском происхождении.

При сборе материала была поставлена задача попытаться выявить разницу в значении и употреблении лексем *Sünd* и *Jumal*. При полевом сборе материала многие информанты утверждали, что «*Jumal* – Бог», «*Sünd* – тоже Бог», «при обращении часто говорят – *Sünduine*» (Reb), «*Jumal* – Бог», «*Sünd* – так называют Бога» (Jog) и т.д. В уже упомянутом выше первом переводе нескольких отрывков текста из Библии 1842 г., которые предпринял в свое время с помощью знатоков вепсского языка Э. Леннрот, было написано «*Meil om D'umal, kudam abutab, i Suur'-sünd-sötai, kudam surmaspäi pästab*» (в современном вепсском переводе *Jumal om meiden täht, hän päzatab meid. Ižand om kaikenvaldaine*,

päzutab meid surmaspäi ‘Бог для нас – Бог во спасение; во власти Господа Вседержителя врата смерти’ [14. 67: 21]. И здесь в тексте, выполненном знатоками вепсского языка более полутора сотен лет назад, оба именованія *Jumal* и *Sünd* также представлены в одном ряду как синонимы, свидетельствуя о том, что носители языка не смогли отдать предпочтение ни одному из терминов. Авторы диалектного словаря вепсского языка в соответствующих словарных статьях отмечали, что «*G’umou, Jumal* – Бог» [11. С. 90], «*Sünd* – Бог, Иисус Христос» [11. С. 533], отмечая, что, на их взгляд, *Sünd* стал у вепсов своеобразным именем Иисуса Христа.

Логичнее, однако, выглядело бы, если в этом случае именование *Sünd* было соотнесено с Богом-отцом, поскольку оно связано с глаголом *sünduda* ‘родить, родиться’ и в буквальном переводе должно бы значить *Sünd* ‘тот, кто родил все, создал все и т.д.’, совпадая в этом случае по семантике с одним из финских именованій Бога – *Luoja* (< *luoda* ‘создавать, творить’ [10. Т. 2. С. 105]). Однако слова *Sünd* и *Jumal* стоят рядом, обладая лишь некоторой склонностью к называнию лексемой *Sünd* ‘Бога-сына’. А возможно, здесь заложена идея о том, что Бог-сын – это творение Бога-отца, то, что им рождено (т.е. по-вепски *sündutet, sündutadud*)? И именно поэтому он *Sünd*. При личных беседах во время заполнения вопросника «Лингвистического атласа вепсского языка» и в объяснениях информанты утверждали, что «*Jumal* – это Бог, повелитель, создатель мира, он на небе»; «*Sünd* – податель всех благ; Господь, он как бы на земле, ближе к людям (= Иисус Христос (?))» (Mg).

Лексема *Sünd* часто употребляется вместе с прилагательным *sur’* ‘большой, великий’ в выражении *Sur’ Sünduizem* ‘мой великий Боже’, где выступает форма вокатива с притяжательным суффиксом *-m*. Эти формулы больше характерны для молитвы или прямых обращений к Богу. При переводе Детской Библии [15] и Нового Завета [16] имя Господа *Sünd* практически не употреблялось, так как на первых порах не могли провести четкой грани между терминами *Jumal* и *Sünd*. Даже тестирование отрывков текста с этими терминами среди довольно большой группы знатоков вепсского языка не позволило окончательно утвердиться в семантике терминов. В текстах же псалмов, которые часто являются прямыми обращениями к Господу, и где особенно много различных имен Бога: Господь, Бог, Царь, Всевышний, Всемогущий, Шествующий в небесах (по-вепски соответственно: *Ižand, Jumal, Kunigaz, Ülähäine, Kaikenvaldaine, pil’viš Matkustai*) и т.д. – именованія *Sünd, Sur’ Sünd, Sur’ Sünduizem* ‘Господь, мой великий Бог, мой великий Боже’ семантически и стилистически особенно вписывались в текст перевода и были в него включены, представив своеобразие вепсского языка в ряду родственных прибалтийско-финских языков, где подобная лексема в данном значении не встречается, например: *Kule,*

Sur' Sünduižem, minun loičend [14. 38: 13] 'Услышь, Господи, молитву мою'; *Sinuhu, Sur' Sünduižem, minä vauvatan* [Ibid. 70: 1] 'На тебя, Господь, уповаю' и т.д.

Таким образом, именование Бога *Sünd* в вепсском языке связано с культурой и духом христианства, в то время как, например, в карельском языке и духовной культуре карелов данная лексема принадлежит лишь мифологии. Здесь она обозначает некое мифологическое существо, которое, по поверьям, является во время с Рождества до Масленицы и которое включено носителями языка в различные рождественские гадания [17. Т. 5. С. 607]. С этим согласна и исследовательница мифологии вепсов И.Ю. Винокурова, уточняя, что некоторые мифологические мотивы у лексемы *Sünd*, встречающиеся у северных вепсов, являются результатом контактов с группами южных карелов [18. С. 187], что отразилось на формировании северновепсского диалекта. Во всяком случае, этнологи могут более плодотворно включиться в решение проблемы семантической наполненности именований *Jumal* и *Sünd* и с учетом лингвистических данных соотнести мифологические представления и их отражение в современных названиях Бога.

Молиться – loita, mol'das, risttas

В именовании понятия «молиться» в языке вепсов отразилось взаимодействие элементов дохристианских верований и принятие христианства, тесно связанного с русским языком. В архаичном южновепсском диалекте «молиться» обозначается лексемой *loita*. Словари родственных языков, прежде всего, наиболее родственного карельского, свидетельствуют, что в последнем данная лексема исключительно редка [17. Т. 3. С. 146] и связана с дохристианским прибалтийско-финским периодом, когда ее значение находилось в семантическом поле 'колдовать, ворожить; заговаривать, говорить заговоры' [10. Т. 2. С. 88]. Иначе говоря, в родственных языках она не перешла в христианскую культуру и не приобрела нового значения, как это случилось в языке вепсов.

В то же время немногочисленные рефлексy лексемы *loita*, кроме южновепсского, в средне- и северновепсском диалектах свидетельствуют о более широком бытовании данной лексемы в языке вепсов ранее. Об этом говорит и такое ее значение, как 'совершать обряд новотела' [11. С. 296]. Очевидно, что и в вепсском языке некогда ее главное значение было сосредоточено на семантике 'колдовать, ворожить'. С приходом христианства лексема была вовлечена в новый круг значений 'молиться, говорить молитвы', характеризуя, прежде всего, архаичный южновепсский диалект.

Другими диалектами для именования понятия 'молиться' были усвоены русские заимствования *mol'das* и *risttas*. Глагол *mol'das* (< рус.

молиться) в языке вепсов обладает диалектными отличиями лишь в оформлении возвратного суффикса инфинитива *-s/-ze/-kso*, что отражено на лингвистической карте (рис. 3).

Рис. 3. Именования понятия 'молиться'

Глагол *креститься* в русском языке имеет два значения: 'принимать христианскую веру' и 'делать рукой жест креста'. В вепском языке значение 'принимать христианскую веру' чаще всего обозначается собственным исконным глаголом *valatada* 'поливать, обливаться; крестить (совершать обряд крещения)' [11. С. 611], который вошел глубоко в лексику ритуала крещения. Вепский язык, заимствовав из русского языка глагол *risttas* (и существующие сейчас в диалектах его возвратные варианты) и адаптировав его, внес в его семантику дополнительные нюансы, расширив несколько его значение, и глагол стал обо-

значать не только ‘совершать само движение и делать рукой жест креста’, но и ‘молиться, произносить молитвы’.

Заключение

В заключение отметим, что разобщенность вепсских территорий в пределах отдельных административных единиц – сначала Олонецкой и Новгородской губерний, затем Республики Карелия, Вологодской и Ленинградской областей сказалась на формировании вепсских диалектных ареалов, однако не привела к радикальным диалектным изменениям в их лексических тезаурусах.

Как показал анализ, в именовании Господа в языке вепсов употребительны две исконные лексемы *Jumal* и *Sünd*, свойственные, как свидетельствуют лингвистические карты, практически всем диалектам вепсского языка, свидетельствуя об их правепсском происхождении и вхождении в данную семантическую группу лексики. Все последующие именовании Господа (*Ižand*, *Jumal*, *Kunigaz*, *Ülähäine*, *Kaikenvaldaine*, *Päzutai*, *pil'viš Matkustai* и т.д.) были созданы в процессе перевода Библии по словообразовательным моделям вепсского языка по мере необходимости и приняты вепским младописьменным языком, найдя отражение в его лексическом тезаурусе и его словарях.

Глаголы же, именующие понятие «молиться», продемонстрировали в области лексики контакты с языком-соседом в области культурного развития, заимствовав два глагола *mol'das* и *risttas* и придав им значение ‘молиться’. Отметим, что в языке вепсов глагол *risttas* послужил основой для образования лексемы *ristit* ‘человек’, которая является субстантивированной формой причастия пассива со значением ‘крещеный’. Моделью, конечно же, послужила русская лексема *крещеный*, которая также, употребляясь субстантивно, обозначает человека, который был крещен в христианскую веру. Ну и, кроме того, глагол *loita*, который в его древнем значении обладал, а в современных родственных языках и сейчас обладает лишь значением ‘ворожить, совершать различные обряды, заклинания’, приобрел в южновепсском диалекте семантику ‘молиться’, что свидетельствует о стремлении закрепить лексику в данном тематическом классе, структурировать ее, ввести более точно в вепсский лексический тезаурус. Именно эта исконная лексема была привлечена к переводам Библии, позволив по модели вепсского языка образовать еще и слово *loičend* ‘молитва’. Отметим, что в переводах нашла свое место и заимствованная из русского языка лексема *risttas*, которая употребляется теперь именно в значении ‘совершать движение рукой’.

В именовании двух важнейших с точки зрения христианства понятий, которые анализируются в данной статье, в вепсском языке мы пронаблюдали как собственное исконное наследие, которое ранее было

мифологическим, но которое со временем приобрело сугубо христианский характер, сохранившись в языке вепсов, а также увидели и контакты русской и вепсской православных культур, нашедшие отражение во всех диалектах вепсского языка, который под напором контактирующего языка, тем не менее, не дал угаснуть собственной исконной лексике анализируемого тематического класса.

Список сокращений

вепс. – вепсский; кар. – карельский; р-н – район; обл. – область; с – село; фин. – финский; GenSing – генитив единственного числа; Jog – Jogens (с. Усть-Капша), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.; Mg – Mäggär' (с. Мягозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.; Reb – Rebagj (с. Ребов Конец), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.; Šim – Šimgär' (с. Шимозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.

Литература

1. **Муллонен И.И.** Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 353 с.
2. **Зайцева Н.Г., Муллонен И.И.** Формирование диалектной карты вепсского языка (на материале «Лингвистического атласа вепсского языка» // Вопросы языкознания. 2018. № 6. С. 85–103.
3. **Строгальщикова З.И.** Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск, 2016. 199 с.
4. **Красная** книга языков народов России : энциклопедический словарь-справочник. М., 1994. 117 с.
5. **Зайцева Н.Г.** Опыт и проблемы языкового планирования у вепсов // *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus XXIV. Helsinki, 2007. S. 126–153.
6. **Строгальщикова З.И.** Преподобный Александр Свирский по историческим и литературным источникам (к проблеме этничности в житейской литературе) // Православие в вепском крае : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 450-летию основания Благовещенского Ионо-Яшезерского мужского монастыря (г. Петрозаводск, 26.09.2012). Петрозаводск, 2013. С. 169–207.
7. **Lönnrot E.** Om det Nord-tschudiska språket. Juminkeko, 2002.
8. **Лексикон** корельского языка // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8/4. 1848.
9. **Pekkanen I.** Raamattua vepsäksi // Vepsä. Maa, kansa, kulttuuri. Toimittanut L. Saressalo (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, № 1005). Jyväskylä, 2005. С. 163–170.
10. **Suomen sanojen alkuperä.** Etymologinen sanakirja. Jyväskylä, 1992–2000. Vol. I–III.
11. **Зайцева М.И., Муллонен М.И.** Словарь вепсского языка. Л., 1972.
12. **Суханова В.С., Муллонен И.И.** О Г' протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 38–45.
13. **Suomen kielen etymologinen sanakirja.** Helsinki, 1955–1981. Vol. I–VII.
14. **Psalmoiden kirj.** Biblijän kändmižen institut. Helsinki, 2012.
15. **Lapsiden Biblii.** Biblijän kändmižen institut. Stokgol'm ; Helsinki, 1996.
16. **Uz' Zavet.** Biblijän kändmižen institut. Helsinki, 2006.
17. **Karjalan kielen sanakirja.** Helsinki, 1968–2005. Vol. I–VI.
18. **Винокурова И.Ю.** Этнокультурная история вепсов Прионежья по данным мифологии обрядности // Истоки Карелии: время, территория, народы. Петрозаводск, 2015. С. 168–203.

Сведения об авторе:

Зайцева Нина Григорьевна – доктор филологических наук, зав. сектором языкознания Института языка, литературы и истории, Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (ИЯЛИ КарНЦ РАН). E-mail: zng@ro.ru

Поступила в редакцию 11 ноября 2019 г.

CHRISTIAN TERMINOLOGY IN THE CONTEXT OF VEPSIAN LINGUISTICS: VEPSIAN VS RUSSIAN (LINGUOGEOGRAPHICAL AND ETYMOLOGICAL ASPECTS)

Zaitseva N.G., D.Sc. (Philology), Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Science. E-mail: zng@ro.ru

DOI: 10.17223/19996195/48/8

Abstract. The article deals with important terms from the point of view of spiritual culture with the terms “God” and “pray” in the Vepsian language. The language of the small Vepsian people belongs to the Baltic-Finnish branch of the Uralic language family. The purpose of the article is to present the culturological background associated with Bible translations into the language of the Veps, analysis of the Vepses naming of the named concepts in the etymological and linguogeographical aspects. The concept of “God” is denoted by the Veps by the lexemes *Jumal* and *Siind*. The article attempts to clarify the difference in the semantics of these lexemes based on the material of the Vepsian language and to bring arguments of a philological, mythological, and linguistic nature in the interpretation of these terms. The term “pray” in the dialects of the Vepsian language is given by the lexemes *loita*, *mol'das*, *risttas*, the last of which (*mol'das*, *risttas*) are Russian borrowings, semantically mastered and adapted by the Vepsian languages, indicating the interaction of languages in this area of spiritual culture. The linguistic maps illustrate the dialect distribution of the analyzed terms.

In the Vepsian naming of the two most important concepts from the Christian point of view, analyzed in this article, on the one hand, one can observe his own ancestral heritage, which was previously mythological, but which eventually acquired a purely Christian character, preserved in the Vepsian language. On the other hand, in this lexicon, contacts of the Russian and Vepsian Orthodox cultures were manifested, which were reflected in all the dialects of the Vepsian language, which, however, under the pressure of the contacting language, nevertheless, did not let the native original vocabulary of the analyzed thematic class die out.

Keywords: Vepsian language; dialects; spiritual culture; mythology; etymology; linguistic geography.

References

1. Mullonen I.I. (2002) *Toponimia Prisivrya. Problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya* [The toponymy of Svir. Problems of ethno-linguistic contacting]. Petrozavodsk.
2. Zaitseva N.G., Mullonen I.I. (2018) *Formirovaniye dialektnoy karty vepsskogo yazyka (na materiale «Lingvisticheskogo atlasa vepsskogo yazyka»)* [Formation of the dialect map of the Vepsian language (on the material of the “Linguistic Atlas of the Vepsian language”)] // *Voprosy yazykoznaniya*, № 6. Pp. 85–103.
3. Strogalshikova Z. I. (2016) *Vepsy v etnokulturnom prostranstve Evropeyskogo Severa*. Petrozavodsk.
4. *Krasnaya kniga yazykov narodov Rossii* (1994): *entsiklopedicheskiy slovar-spavochnik* [Red Book of Languages of the Peoples of Russia: Encyclopedic Dictionary-Directory]. M.

5. Zaitseva N.G. (2007) Opyt i problemy yazykovogo planirovaniya u vepsov [Experience and Problems of Language Planning in Veps] // *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus XXIV. Helsinki. Pp. 126-153.
6. Strogalshikova Z. I. (2013) Prepodobnyi Aleksandr Svirskiy po istoricheskim i literaturnym istochnikam (k probleme etnichnosti v zHITEISKoy literature [Venerable Alexander Svirsky on historical and literary sources (on the problem of ethnicity in everyday literature)] // *Pravoslaviye v vepsskom kraye*. Materialy mehzregionalnoy nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashsennoy 450-letyu osnovaniya Blagoveshenskogo muzhskogo monastyrya (g. Petrozavodsk, 26.09.2012). Petrozavodsk. Pp. 169-207.
7. Lönnrot E. (2002) Om det Nord-tschudiska språket. Juminkeko.
8. Leksikon korel'skogo yazyka (1848) [Lexicon of korel Language] // *Natsionalnyi arhiv Respubliki Karelya*, fond 1, opis 1, delo 8/4.
9. Pekkanen I. (2005) Raamattua vepsäksi // *Vepsä*. Maa, kansa, kulttuuri. Toimittanut L. Saressalo (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, № 1005). Jyväskylä. pp. 163-170.
10. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja (1992-2000). Vol. I-III. Jyväskylä.
11. Zaitseva M.I., Mullonen M.I. (1972) Slovar vepsskogo yazyka [Dictionary of Vepsian language]. L.
12. Sukhanova V.S., Mullonen I.I. (1986) O G' proteticheskom v russkikh govoraх Karelii [About G' prosthetic in the Russian dialects of Karelia] // *Severnorusskiye govory v inoyazychnom okruzenii*. Syktyvkar. Pp. 38-45.
13. Suomen kielen etymologinen sanakirja (1955-1981). Vol. I-VII. Helsinki.
14. Psalmoiden kirj (2012). Biblijan kändmižen institut. Helsinki.
15. Lapsiden Biblii (1996). Biblijan kändmižen institut. Stokgol'm-Helsinki.
16. Uz' Zavet (2006). Biblijan kändmižen institut. Helsinki.
17. Karjalan kielen sanakirja (1968-2005). Vol. I-VI. Helsinki.
18. Vinokurova I.Yu. (2015) Etnokulturnaya istoriya vepsov Prionezhya po dannym mi-fologii obryadnosti [Ethnocultural history of the Veps of the Prionezh region according to the mythology of ritual] // *Istoki Karelii: vremya, territoriya, narody*. Petrozavodsk.

Received 11 November 2019